

Глава 31

Вэй Чэн протер глаза рукавом, решив, что зрение его подводит. Юноша скорее готов был поверить в собственное безумие, чем в то, что маленький глиняный горшочек, который они всю зиму переставляли с места на место, вдруг превратился в медный.

— Горшочек, — Вэй Чэн поднес находку к самому лицу брата. Голос его звучал растерянно. — Погляди-ка... Твой горшочек, он что же...

— Ой!

Малыш перехватил сосуд, и его пухлые ладошки принялись лихорадочно обтирать бока посуды. На пол посыпалась сухая крошка желтой глины, и вскоре в руках ребенка оказался предмет, отливающий мягким золотистым блеском.

Это была не обожженная земля. Перед ними стоял тяжелый, гладкий и начищенный до блеска медный горшочек.

Вэй Чэн замер, пораженный увиденным.

— Как же так... — выдохнул он. — Почему он стал медным?

Кроха склонил голову набок, и в его темных глазах отразилось искреннее недоумение.

— Горшочек не знает.

— Совсем не знаешь? — Вэй Чэн попытался унять дрожь в руках. — А помнишь, где ты его взял?

Малыш послушно покачал головой:

— Все равно не знает.

Затем он вдруг поднял сосуд повыше, словно хвастаясь:

— Глиняный стал медным. Разве это плохо, братик?

Плохо? Нет, это было чудесно. Вот только Вэй Чэн никак не мог понять: был ли он медным с самого начала или изменился совсем недавно?

Если вспомнить время, когда Горшочек жил у Ван Чжуанцзы, то такие жадные и беспринципные люди, как хозяин дома и его жена Чжэн-ши, наверняка не раз вертели этот предмет в руках. Неужели они бы не заметили ничего необычного?

Подавляя волнение и нарастающую тревогу, Вэй Чэн взял чистую тряпицу и принялся осторожно счищать остатки грязи.

— Конечно, это хорошо. Медь стоит дорого, ведь именно из неё отливают монеты, ради которых мы трудимся не покладая рук. Просто... я не сразу к такому привык.

Малыш подпер подбородок кулачками и радостно просиял:

— Значит, у братика теперь много денежек! На учење хватит!

Вэй Чэн замер. Только сегодня его унижил высокомерный Управляющий Чжэнь, попрекая бедностью, и вот — горшочек в доме внезапно превращается в ценный металл.

«Неужто это Горшочек, желая исполнить мою мечту об учебе, снова явил свои тайные силы?»

Сердце юноши наполнилось щемящей нежностью и теплом. С тех пор как умер отец, он и не надеялся, что кто-то в этом мире станет так оберегать его. Все чувства вылились в один прерывистый вздох:

— Горшочек...

Малыш подпрыгнул на кане и протянул ручки:

— Обнимай!

Вэй Чэн прижал к себе ребенка, погладил его по макушке и серьезно произнес:

— Послушай меня, хороший мой. О том, что горшочек стал медным, должны знать только мы двое. Никогда и ни при ком об этом не поминай.

— Понял, — Горшочек послушно кивнул. Одной рукой он крепко обхватил шею брата, а другой указал на блестящий сосуд у края лежанки. — А на него можно купить много-много бумаги?

Вэй Чэн улыбнулся:

— Это же твое самое дорогое сокровище. Неужто готов его продать, чтобы купить мне тушь и кисти?

Малыш поднял на него сияющий взгляд:

— Моё самое дорогое сокровище — это братик!

Стоило ему это произнести, как стоявший на кане медный горшочек вдруг с громким стуком повалился на бок, хотя в комнате не было ни малейшего сквозняка.

Вэй Чэн не придавал этому значения. Он поднял сосуд, поставил его на место и шутливо заметил:

— Ну вот, погляди, он приревновал!

Затем юноша продолжил уже серьезно:

— У нас еще осталось двадцать лянов за лягушек и почти шесть лянов серебра. Через неделю-другую в горах пойдет папоротник и грибы, наберем и продадим в городе. Если наши куры будут нести исправно, то к осени станем торговать яйцами, а зимой снова пойдем на охоту. Способов заработать у нас вдоволь, на книги и тушь точно хватит. А этот горшочек... Ты ведь с ним в руках впервые мне встретился. Кто знает, может, он — единственная ниточка к твоему прошлому или родным. Мы его ни за что не продадим.

Вэй Чэн долго убеждал брата, пока тот наконец не согласился оставить мысли о продаже.

Поскольку медный сосуд теперь нельзя было просто так засунуть в дыру в стене, Вэй Чэн обернул его несколькими слоями плотной ткани, прежде чем Горшочек вернул его в тайник.

Солнце уже клонилось к закату. Вэй Чэн поспешил нарезать купленные яства — жареную курицу и копчености, — разложил их по тарелкам, а часть завернул в промасленную бумагу. Он решил зайти к Мо-фуланю, пока будет созывать гостей к ужину.

Мо-фулан в одиночку тянул хозяйство, приглядывал за Братцем Хуанем и успевал работать в поле. При этом он не раз находил время, чтобы принести братьям обед прямо на пашню. К тому же Лекарь Цяо все еще не вернулся из лесу, и в доме оставались только Мо-фулан с сыном. Приглашать его на ужин, где будет полно мужчин вроде Мясника Ма и Ли Саньлана, было бы неловко, поэтому Вэй Чэн решил просто передать угощение.

Когда они подошли к дому, Мо-фулан с Братцем Хуанем играли у колодца. Завидев сверток в руках юноши, мужчина замахал руками:

— Не нужно, Вэй Чэн! Забирай сейчас же, сами с Горшочком съедите.

Юноша объяснил, что пригласил соседей на ужин, и добавил:

— Дядюшки Цяо нет дома, вам к нам идти не с руки. Вот я и решил собрать вам немного к столу. Поешьте с Братцем Хуанем, а остальное приберегите для Лекаря Цяо, когда вернется.

После долгих уговоров Мо-фулан все же принял подарок и с улыбкой заметил:

— Видать, твой дядюшка и впрямь удачлив. Те, кто ушел из леса пораньше, передали, что завтра поутру и наши вернутся.

— Вот и славно, — обрадовался Вэй Чэн.

— Сама жду не дождусь. Пусть уж лучше ни одного женьшеня не найдет, лишь бы сам цел вернулся.

Вэй Чэн посерьезнел:

— Я слышал от него, что в этот раз собралось много народу, даже охотники с ними. Что же может случиться?

Мо-фулан нахмурился:

— Люди сказывают, что в глубине гор Маоси женьшень нынче найти трудно, все места уже выкопаны. По пути им встречались целые отряды копателей — один за другим. Говорят, даже богатеи из города прислали своих домашних слуг и громил. Если бы не охотники с луками да не умение наших постоять за себя, у них бы наверняка всё отобрали.

— Неужто совсем страх потеряли? Не боятся, что на них в управу заявят? — возмутился Вэй Чэн.

— В глухом лесу, где ни души, хоть кричи, хоть плачь — никто не поможет, — вздохнул Мо-фулан. — Обычный женьшень стоит три лян за лян веса, а за отборный и по восемь, и по десять лянов серебра дают. Все за наживой охотятся, у любого при виде таких денег глаза разгорятся!

Вэй Чэн знал, что женьшень ценится высоко, но не думал, что настолько. Выходило, что он куда дороже лягушек!

Такая добыча и впрямь будоражила кровь.

Пока взрослые беседовали, Горшочек с Братцем Хуанем снова нашли общую игру.

Малыш обожал воду. Увидев, как Братец Хуань плещется у колодца, он подошел поближе, но

коснуться воды не решался. Спрятав руки в рукава, он робко спросил:

— Братец Хуань, Горшочек тоже хочет... играть с водой.

Братец Хуань все еще немного дулся на него. Он помнил, как папа вытирал пот с лица отца, и не раз играл в «семью» с другими ребятами. Многие мальчишки мечтали, чтобы он был их «фуланем», и только у этого Горшочка в голове были одни дикие травы.

Братец Хуань фыркнул:

— Играй, только не брызгайся.

— Ладно, — послушно отозвался Горшочек и опустил ладошки в большой таз, где плавали деревянные уточки.

Братец Хуань одной рукой поймал уточку, а другой вытащил из-за спины искусно вырезанного тигра.

— Кря-кря-кря, попробуй догони! — закричал он, водя игрушкой по воде.

Горшочек подхватил игру и бросился в погоню со своей уточкой. Вскоре малыши так увлеклись, что Братец Хуань напрочь забыл о недавней обиде.

— Если тебе так нравится вода, — сказал Братец Хуань, — я попрошу папу взять тебя с нами на речку. Там можно пускать настоящих утят, это так весело!

Глаза Горшочка засияли, но тут же он вспомнил о чем-то важном, и его пухлые щечки поникли:

— Горшочек не может пускать утят. Горшочек должен быть с братиком, идти учиться.

— Учиться? — удивился Братец Хуань. — А, я понял. Братец Чэн идет в городскую школу, и тебя некому оставить дома, вот ты и идешь следом. Так ты приходи ко мне! Мы с папой весь день дома.

— Нельзя, — серьезно возразил Горшочек. — Там есть злой человек, он будет обижать братика. Горшочек должен его защитить.

— Злой человек? — Братец Хуань округлил глаза. — Но ты же сам еще маленький, вдруг он и тебя обидит?

— Горшочек не боится злых людей.

С этими словами он придавил своей уточкой деревянного тигра и грозно пролепетал:

— Горшочек сильный, как эта уточка!

Братец Хуань тоже нажал на тигра, стараясь выглядеть не менее свирепо:

— И я помогу тебе побить злодея!

Закончив разговор с Мо-фуланем, Вэй Чэн обернулся и увидел, что Горшочек весь вымок — и грудь, и рукава. Хорошо хоть на улице было тепло, иначе недолго и простудиться.

Попрощавшись, братья обошли соседей и вскоре собрали в своей хижине семью Мясника Ма, Ли Саньлана с супругом и Старосту.

Вэй Чэн поставил в центре комнаты небольшой стол. У них было всего четыре табурета, так что пришлось занять еще четыре у Мо-фулана — как раз всем хватило места.

Начался шумный ужин. На столе красовались две тарелки с сочной свининой, блестели в соусе потроха, а ароматная жареная курица была заботливо разделена на кусочки. Чтобы гости не пресытились жирным мясом, Вэй Чэн приготовил салат из диких трав с чесноком.

Не забыл он и про Синъэра. Волчонок не любил чужаков, поэтому, едва дом наполнился людьми, он схватил свою миску и убежал прятаться за хижину.

Мясник Ма, Староста и Ли Саньлан налили себе по чарке вина. За неспешной беседой они обсуждали виды на урожай и полевые работы. Братец Цю тоже пригубил немного «Пьянящего небожителя». Матушка Доумяо смотрела на бутылку с явным вождением, но из-за беременности ей было строго-настрога запрещено пить, так что ей оставалось лишь вздыхать.

— Братец Цю, я тоже хочу попробовать, — прошептал Ма Доумяо, видя, что его мать занята — помогает Вэй Чэну раскладывать рис по пиалам.

Братец Цю улыбнулся:

— Сначала у твоей матери спрошу.

— Не надо! — испугался Доумяо. — Она ни за что не разрешит. Дай хоть капельку пригубить!

Мужчина огляделся по сторонам и плеснул мальчику совсем немного. Это вино было сладким

и слабым, его давали даже детям, но Матушка Доумяо держала сына в ежовых рукавицах, так что Цю-гээр не решился наливать больше.

Тот воровато отпил глоток и зажмурился от удовольствия:

— Вкусно-то как!

Затем он макнул в вино кончик чистой палочки и протянул её Горшочку, который вовсю уплетал куриную ножку.

— Горшочек, хочешь попробовать?

Малыш облизнул жирные губы и доверчиво кивнул:

— Хочу.

— А ну, открывай рот!

Мальчик коснулся палочкой языка ребенка.

— Ну как, вкусно?

— Сладко... Очень сладко...

Вдруг куриная ножка выпала из рук Горшочка прямо в тарелку. Его щечки густо покраснели, а взгляд стал затуманенным.

— Братец Доумяо... почему у тебя... две головы?

Сын мясника так и замер с открытым ртом:

— Горшочек... ты что же... опьянел?!

Вэй Чэн, вернувшийся с рисом, застал брата в полубессознательном состоянии. Выяснив, что Доумяо дал ему вина, он лишь вздохнул.

— Я... я ведь всегда пил это вино, — оправдывался испуганный мальчик. — Кто же знал, что Горшочек такой слабый...

Заметив, что Матушка Доумяо уже направляется к ним, Вэй Чэн решил не доводить дело до скандала при гостях.

— Ничего страшного. Он просто устал, а вино его сморило. Пойду уложу его, а вы продолжайте ужинать.

Он отнес брата в комнату, расстелил постель и, сняв с него верхнюю одежду, укутал в теплое одеяло. Юноша коснулся ладонью горячего лба малыша:

— Горшочек, тебе не худо?

— Спать охота... — Горшочек сладко зевнул, крепко сжимая руку брата своей ладошкой.

— Спи, маленький. Ты сегодня весь день со мной по городу бегал.

Вэй Чэн стал мерно похлопывать его по спине.

— Братик... Горшочек сильный... как та уточка... — пробормотал малыш, и его длинные ресницы дрогнули.

— Знаю, знаю. Ты у меня самый сильный и всегда защищаешь брата, — тихо рассмеялся юноша.

Горшочек медленно, с трудом ворочая языком, добавил:

— Братик... не бойся... Злодеи испугались... Горшочек всех прогнал...

На этих словах его глаза окончательно закрылись, и он погрузился в глубокий, спокойный сон.

Управляющий Чжэнь вышел из ресторана, весело насвистывая под нос. Сегодня молодой господин из семьи Ли расщедрился на обильное угощение с вином.

Повод был отменный: во время дневной проверки Учитель Чжугэ был весьма строг, но Чжэнь заранее подложил молодому господину шпаргалку под экзаменационный лист. Без этой хитрости ленивый и не слишком сообразительный отпрыск Ли наверняка получил бы от учителя по рукам за пустой свиток.

Подобные дела мужчина проворачивал постоянно: за спиной наставника он помогал нерадивым ученикам списывать, а затем вместе с ними морочил голову их богатым родителям.

Выгода текла к нему с двух сторон!

Мало того что непутевые отпрыски задаривали его подарками, так еще и отцы, прослышав о «небывалом рвении» своих чад, не скупилась на награду. Денег, что он собирал с нескольких семей, вполне хватало, чтобы безбедно проводить время в кабаках.

Вспомнив о нищих братьях, что должны были явиться завтра, управляющий презрительно скривился. Мысль о том, что такие лапотники станут учениками, казалась ему нелепой шуткой.

Он шел по улице, пошатываясь, как вдруг кто-то с силой врезался в него плечом.

Чжэнь, будучи во хмелю, мгновенно разъярился. Схватив незнакомца за рукав, он проорал:

— Ты что, глаза дома забыл?! Своего папашу не признал? А ну, живо на колени и проси прощения!

— Что ты сказал?!

Прежде чем Управляющий Чжэнь успел хоть что-то сообразить, тяжелый, словно камень, кулак с размаху обрушился прямо ему в лицо.

<http://bllate.org/book/15346/1411490>